

© С. М. Ситяева, С. В. Яремчук

DOI: [10.15293/2226-3365.1706.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1706.08)

УДК 159.922+159.923

ЭКСТРЕМИСТСКИЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СИБЛИНГОВОЙ ПОЗИЦИИ*

С. М. Ситяева, С. В. Яремчук (Комсомольск-на-Амуре, Россия)

Проблема и цель. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи сиблинговой позиции и экстремистских установок молодежи. Цель исследования состоит в анализе характера связи между выраженностью и специфичностью экстремистских установок у молодых юношей и девушек и порядка их рождения в семье.

Методология. В анализируемую выборку вошло 377 испытуемых (от 14 до 30 лет; 176 юношей и 201 девушка). Из них 100 – единственные дети в семье, 117 – первые, 53 – средние дети и 106 – младшие. Экстремистские установки испытуемых выявлялись с помощью методики изучения экстремистско-деструктивных установок К. В. Злоказова, позволяющей выявить уровень авторитаризма, проявление националистической, фанатической и ксенофобской установок, и методики Э. А. Паина и С. А. Простакова, в которой предлагается осуществить выбор (или отказаться) в сторону того или иного лозунга, характерного для экстремистского течения.

Результаты. Обнаружена взаимосвязь между экстремистскими установками молодежи и сиблинговой позицией в семье (как с учетом, так и без учета пола). В целом юноши по сравнению с девушками характеризуются более высоким уровнем экстремизма (проявляющемся в более высоком уровне национализма и ксенофобии), чаще идентифицируют себя с тем или иным политическим направлением. Единственные в семье дети характеризуются более высоким уровнем националистических установок, реже придерживаются леворадикальных взглядов. Более фанатичными, а следовательно, более сосредоточенными на религиозных идеях, представлениями о преимущественной роли религиозных норм в жизни испытуемого и его ближайшего окружения являются единственные в семье девушки и младшие в семье юноши. Более высокий уровень ксенофобии выявлен у единственных в семье юношей.

Заключение. В группу риска по формированию экстремистского поведения вошла группа единственных детей в семье юношей: у них в значительно большей степени выражены ксенофобские установки, а также они чаще придерживаются националистических взглядов.

*Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках реализации госзадания № 25.8631.2017/8.9 по теме проекта «Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи».

Ситяева Снежана Михайловна – кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет.

E-mail: snejana-reg27@yandex.ru

Яремчук Светлана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет.

E-mail: svj@rambler.ru

Результаты исследования могут быть учтены в работе с молодежью по профилактике экстремистского поведения.

Ключевые слова: *экстремизм; экстремизм молодежи; предикторы экстремизма; сублинговая позиция; порядок рождения; национализм; ксенофобия; фанатизм; авторитаризм.*

Постановка проблемы

Современная социальная ситуация в мире характеризуется значительным возрастанием экстремистских проявлений: национализма, ксенофобии, мигрантофобии, терроризма [1]. В России за последнее время также наблюдается рост преступлений террористической и экстремистской направленности. По официальным статистическим данным МВД Российской Федерации процент данной категории преступлений за 2015 г. возрос по отношению к предыдущему периоду на 35,8 и 27,7 % соответственно¹, а за 2016 г. вырос еще на 44,8 и 9,1 %².

Известно, что до 80 % участников экстремистских организаций составляют лица до 30 лет. Как отмечает И. В. Куликов, главными чертами современного молодежного экстремизма являются: быстро развивающаяся организованность, тесная взаимосвязь идей и целей, сплоченность группировок, формирование в них идеологических уставов, разнообразие методов достижения поставленных целей, использование новейших информационных технологий, социальных сетей, усиление мер конспирации [2]. По результатам исследования В. А. Лузгиной и Е. А. Кормильцевой,

22 % молодежи в России нейтрально или положительно относятся к фашизму, 57 % молодых имеют знакомых, поддерживающие фашистские взгляды³.

По мнению исследователей, более высокая экстремистская активность молодежи может быть связана с психологическими особенностями, характерными для людей в этом возрасте: некритичностью и парадоксальностью мышления, неумением логически анализировать причины социальных действий и последствия экстремистской активности [3], выраженной потребностью в идентификации, принадлежности к группе [4], неустойчивостью и противоречивостью ценностных ориентаций и мировоззрения [5; 6], склонностью к максимализму и неумеренностью в выборе средств и способов достижения жизненных целей⁴.

Изучение предикторов экстремистского поведения и установок в настоящее время является крайне актуальным. На это указывают как российские, так и зарубежные исследователи. Так, А. Scarcella, R. Page и V. Furtado в 2016 г. представили результаты анализа серии научных исследований, размещенных в 20 различных базах данных по психологии, медицине, социологии и политике. Они указали на существующий недостаток

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2015 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/7087734> (дата обращения 30.07.2017)

² Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/9338947/> (дата обращения 30.07.2017)

³ Лузгина В. А., Кормильцева Е. А. Идеология фашизма: история и современность. Первый опыт со-

циологического анализа // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации: материалы международной научно-практической конференции студентов и аспирантов: в 2 ч. – Омск, 2015. – С. 349–353.

⁴ Липина Е. А. Психологические особенности личности экстремиста [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – Вып. 8. – URL: <http://human.snauka.ru/2015/08/12222> (дата обращения: 30.07.2017).

научных знаний о предикторах экстремистского и террористического поведения, отсутствие методического инструментария, обладающего высокой прогностической способностью в предсказании экстремистского и террористического поведения [7].

Анализ существующих на данный момент научных исследований по проблеме предикторов экстремистской активности и установок показал, что к их числу могут быть отнесены как ситуационные факторы, так и индивидуально-психологические особенности личности молодых людей, сложившиеся под влиянием социальной среды.

Ситуационным может быть личное или опосредованное (через сеть Интернет) общение с вербовщиком, чтение запрещенной экстремистской литературы, вызванное интересом к ней. К числу таких факторов может быть отнесена и сформированная извне ситуация, приводящая к экстремистскому поведению. Как показали эксперименты С. Милгрэма и Ф. Зимбардо, эта ситуация зачастую оказывает на людей более сильное влияние, чем внутренние побуждения. Так, эксперимент, проведенный в 2012–2013 гг. К. В. Злоказовым, в котором с помощью курсантов, студентов и сотрудников полиции были смоделированы массовые беспорядки, показал, что курсантам, выступающим в роли провокаторов (руководимых экспериментатором), удалось сплотить незнакомых членов толпы и организовать их совместные деструктивные действия, направленные против сотрудников полиции. Участники подражали действиям про-

вокаторов, увлекаясь настолько, что действовали в дальнейшем самостоятельно, без примера. Причем, чем более неопределенной для них была сама ситуация, тем более деструктивным было их поведение [8].

Другие исследователи подчеркивают роль семьи в формировании экстремистских установок молодежи. Так, А. А. Султанов утверждает, что экстремистское поведение не находится в непосредственной зависимости от таких факторов, как образование, квалификация, структурная неполноценность семьи. Они приобретают значение в связи с социально-психологической атмосферой семьи, нравственно-правовыми взглядами, установками, ценностными ориентациями, поведением родителей и других членов семьи [9]. С. Е. Щербина указывает на то, что увеличивающееся социальное неблагополучие семьи в современной России может привести в ближайшее время к росту экстремизма, делинквентности и нарциссизма молодежи⁵.

Серия исследований посвящена изучению индивидуально-психологических особенностей людей, предрасположенных к экстремистской деятельности. Так, Т. Адорно описывает авторитарную личность (фашистского типа), для которой характерны авторитарная агрессия, консерватизм, потребность в подчинении, нетерпимое отношение к любым проявлениям субъективности, эмоциональности и «мягкодушия», суеверность и стереотипизм, враждебность, проективность, сексуальное морализаторство⁶. D. G. Davydov к личностным особенностям экстремистов относит демонстративную смелость, склонность к риску,

⁵ Щербина С. Е. К вопросу о неблагополучии семьи как одном из факторов проявления экстремизма современной молодежи // Противодействие экстремизму и терроризму в крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодарский

университет МВД России Крымский филиал, 2015. – С. 302–305.

⁶ The Authoritarian personality / By T. W. Adorno, Else Frenkel-Brunswik, Daniel J. Levinson, R. Nevitt Sanford // Collab. with Betty Aron et al. – New York: Norton, 1969. – 990 p.

конфликтность и агрессивность позиции [10]. Ю. М. Антонян и Е. Н. Юрасова, изучая психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, отмечают, что для них характерен параноидный и нарциссический тип личности [11].

По мнению ряда исследователей (Т. Адорно, Ю. М. Антонян и Е. Н. Юрасова), формирование личности экстремистского типа происходит в раннем детстве под воздействием воспитания. Параноидная структура личности формируется в условиях жесткой критики и унижений ребенка, а также наказаний, зависящих от воли взрослого. Формирование нарциссических черт возможно, как при чрезмерном захваливании и потакании желаниям ребенка, так и при жестком социальном контроле и осуждении, когда любое поведение ребенка, не соответствующее «нормам», пресекается, и его постоянно стыдят [11].

Известно, что в одной и той же семье отношение родителей к детям с разной сиблинговой позицией значительно отличается. Так, исследование Е. Е. Алексеевой и А. С. Телегиной показало, что родители единственных детей излишне концентрируются на ребенке, проявляют чрезмерную заботу, подавляют волю ребенка, исключают внесемейные влияния, подавляют агрессивность и сексуальность ребенка, стремятся ускорить его развитие. Отношение родителей к старшим детям формирует у них чувство неполноценности в семье. К младшим детям в семье родители проявляют раздражительность и строгость [12]. Сиблинги также проявляют разное отношение к своим родителям. Так, С. Salmon и М. Daly выявили, что более близкие отношения с матерью наблюдаются у первенцев и младших детей, а средние дети в семье более дистанцированы от матери [13].

Ф. Дж. Саллоуэй в 1995 г. на основе проведенного мета-анализа пришел к выводу, что порядок рождения лучше прогнозирует

возможные социальные установки человека, нежели это делают пол, класс или раса. Его открытия дали возможность предполагать, что порядок рождения в 5–10 раз сильнее влияет на черты личности, чем академические достижения или уровень IQ [14]. При этом последние исследования показывают, что не сам по себе порядковый номер рождения оказывает влияние на особенности человека, а положение человека в системе семейных отношений [15].

Зарубежные исследователи [16] проанализировали 200 научных статей, описывающих результаты эмпирических исследований (с 1960 по 2010 г.), направленных на изучение влияния фактора «порядок рождения» на личностные и интеллектуальные характеристики людей. Они представили обобщенную характеристику людей с разной сиблинговой позицией. Единственные дети в семье характеризуются высоким интеллектом, потребностью в достижениях, выраженной гендерной идентичностью, при этом чаще имеют проблемы в поведении, чаще страдают психическими расстройствами и имеют самую низкую потребность в аффилиации. Первые дети в семье, как и единственные, характеризуются высоким интеллектом, высокой успеваемостью, потребностью в достижениях, при этом они обладают лидерскими качествами, способны создавать доверительные отношения с другими людьми, ориентированы на ценности родителей, ответственны. Для них также характерно поведение типа А (коронарный тип по Р. Г. Розенману и Г. Фридману), консерватизм, интерес к политике. Средние в семье дети эмоционально устойчивы, общительны, у родителей с ними меньше проблем, они способны к конкуренции в разных областях, успешно взаимодействуют с младшими и старшими по отношению к себе людьми. Младшие дети в семье более приятны и от-

крыты в общении, добросердечны, характеризуются более высоким социальным интеллектом, артистизмом, популярностью в социальной группе, при этом они более авантюرنы, более склонны к алкогольной и наркотической зависимости, психическим заболеваниям [16].

подавляющая часть зарубежных ученых сходятся во мнении, что порядок рождения влияет на академическую успешность и расходятся во мнении о влиянии этого фактора на личностные особенности. Есть те, кто отрицает различия в личностных характеристиках людей с разной sibлинговой позицией [17; 18]; некоторые отмечают, что по мере взросления эти различия нивелируются [19; 20] или существенно зависят от разницы в возрасте между детьми в семье [21].

Ф. Дж. Саллоуэй характеризует первенцев как более консервативных, а младших как более радикальных. В доказательство этого тезиса он приводит следующий факт: «Не было ни одного случая радикальной революции, организованной первенцами, и никогда не было случая консервативной революции, которую защищали бы младшие дети и противостояли первенцы». Причем первенцы чаще выступают за применение крайних военных мер в защите своих интересов⁷. Интересно, что в результате эмпирического исследования Г. Айзенк выявил, что члены коммунистической партии более радикальны, а представители фашистской организации более консервативны, однако и те, и другие в значительной степени авторитарны по сравнению с либералами⁸. Исследования показали, что младшие дети чаще, чем остальные в своей жизни подвергались аресту [22], значительно чаще, чем первые дети были госпитализированы из-за употребления наркотиков [23], но при этом они не

чаще других были участниками протестных акций и демонстраций [24].

В последние годы в России появилась значительная часть работ, подтверждающая влияние sibлинговой позиции на личностные особенности людей, интеллектуальные и творческие способности, стратегии разрешения конфликтов, социальный статус в коллективе и другие сферы (Н. М. Зырянова, О. С. Алексеева, Н. В. Лукьянченко, С. А. Русс, А. Ю. Маленова, А. В. Ляшевская, И. В. Грошев, А. В. Петрановский, М. В. Галимзянова, А. А. Моисеева и др.).

Таким образом, значительный ряд зарубежных и отечественных исследований указывает на специфические особенности людей, обусловленные их sibлинговой позицией, при этом незначительная часть из них посвящена изучению взаимосвязи экстремистского поведения и sibлинговой позиции в семье. Таких исследований в России нам найти не удалось, в связи с этим в настоящем исследовании нами была поставлена цель проанализировать характер связи между выраженностью и специфичностью экстремистских установок у юношей и девушек и порядком их рождения в семье.

Методология исследования

В анализируемую выборку вошло 377 испытуемых (от 14 до 30 лет, школьники, студенты ссузов и вузов, рабочая молодежь), из них: 100 человек – единственные дети в семье (53 юношей и 47 девушек, средний возраст 19,05 лет); 117 человек – первые дети (58 юношей и 59 девушек, средний возраст 20,04 лет); 53 человека – средние дети (27 юношей и 26 девушек, средний возраст 19,0 лет); 106 человек – младшие дети (38 юношей и 68 девушек, средний возраст 19,55 лет).

⁷ Sulloway F. J. Birth order // Encyclopedia of Creativity. – 1999. – Vol. 1. – P. 189–202.

⁸ Eysenck H. J. Sense and nonsense in psychology. – Harmondsworth: Penguin, 1957.

Экстремистские установки молодых людей мы изучали с помощью **методики изучения экстремистско-деструктивных установок К. В. Злоказова** [25]. Методика включает четыре шкалы: фанатизм, национализм, ксенофобия и авторитаризм.

Высокие значения по шкале «Фанатизм» предполагают сосредоточенность на религиозных идеях, увлеченности религией, представлений о преимущественной роли религиозных норм в жизни испытуемого и его ближайшего окружения, использование религиозных канонов для объяснения жизненных событий.

Высокие значения по шкале «Национализм» предполагают дискриминирующую установку респондента по отношению к представителям других национальностей, нетерпимость к иным культурам и социальным нормам, одобрение репрессивных методов управления, призывы к радикальным решениям в отношении представителей других национальностей.

Высокие значения по шкале «Ксенофобия» характеризуют стремление отвечающего избегать контакта с представителями других национальностей, религии и, вероятно, убеждений.

Высокие значения по шкале «Авторитаризм» можно интерпретировать как представления о необходимости стойкости и твердости в отношениях с окружающими. Также содержание шкалы характеризует ригидность личности через описание ее признаков категоричности суждений, твердости убеждений и неизменности решений. Авторитаризм как свойство личности описывает своеобразный фундамент, связанный с готовностью придерживаться принятого решения, в том числе и противоречащего социальным нормам и общественным интересам.

Также для изучения проявлений экстремистских установок молодежи была использована **методика Э. А. Паина и С. А. Простакова** [26], в которой использовались речевые обороты и лозунги, характерные для экстремистских течений, выделенных авторами в ходе исследований интернет-аудитории. Респондентам предлагалось представить, что они находятся в определенном месте, где собираются некие политические силы, и совершить выбор в пользу наиболее близких им лозунгов. В методике предлагается четыре группы лозунгов, взятых авторами с экстремистских сайтов разных направлений: националисты (лозунги «Я – русский!», «Россия для русских!», «Не бойся быть русским!», «России русскую власть!», «Русский помоги русскому!»), левые («Народовластие – прямая демократия – Советы!», «Пересмотреть итоги грабительской приватизации!», «Хватит кормить буржуев!», «Долой врагов рабочих людей!», «Власть миллионам, а не миллионерам!», «За социализм!», «За государственную поддержку работающего человека!»), сторонники действующей власти («Путин – наша сила!», «Путин – наша надежда!», «Кто, если не Путин!», «Путин – спасение России!», «За стабильность!»), прозападные либеральные лозунги («За европейский выбор России!», «Права и свободы человека превыше всего!», «За вашу и нашу свободу!», «Нет дискриминации! Гражданское единство вместо национальной розни!», «За свободу слова! Прекратить политическую цензуру!», «Свободу политзаключенным!»). Респондентам предлагается ответить на вопросы: «К какой из колонн вы бы скорее присоединились или вообще уйдете с площади, увидев такое скопление людей? Какие из этих групп лозунгов наиболее близки лично вам?» Предлагалось также два нейтральных варианта ответа, позволяющих уклониться от выбора и не идентифицировать

себя с каким-либо идейно-политическим течением: 1) не присоединюсь ни к одной из них, 2) ушел бы с площади, увидев эти собрания.

Методика К. В. Злоказова позволяет выявить неосознаваемые экстремистско-деструктивные установки. В свою очередь методика Э. А. Паина и С. А. Простакова позволяет проанализировать осознанный выбор испытуемыми тех или иных политических лозунгов, в соответствии с имеющимися установками.

Результаты исследования

Анализ полученных результатов с помощью методики Э. А. Паина и С. А. Простакова показал, что наибольший процент поддержавших те или иные лозунги обнаружен у единственных в семье юношей (48,8 %), причем из этого перечня численный перевес был выявлен в сторону националистических лозунгов –

20,9 %. Вторую позицию по частоте выбора тех или иных лозунгов заняли юноши, являющиеся средними в семье – 46 %. Они преимущественно оказались сторонниками действующей власти (23 %). Третью позицию разделили между собой юноши, являющиеся первыми детьми в семье (43,3 %), и девушки, являющиеся средними детьми (42,3 %). Те и другие чаще выбирали леворадикальные лозунги (15 %).

Реже всех делали выбор в сторону того или иного лозунга девушки всех siblingовых позиций (кроме девушек, являющихся средними детьми в семье). У девушек всех siblingовых позиций также выявлен численный перевес выбора леворадикальных лозунгов, кроме единственных в семье девушек, у которых был очень низкий процент леворадикальных взглядов, а преобладали прозападные либеральные (табл. 1).

Таблица 1

Выбор политических лозунгов молодежью в зависимости от siblingовой позиции и пола

Table 1

Sibling position, gender and choice of political slogans by young people

Идейно-политические течения	Выборка в целом	Сиблинговая позиция											
		единственный (n = 100)			первый (n = 117)			средний (n = 53)			младший (n = 106)		
		все	дев	юн	все	дев	юн	все	дев	юн	все	дев	юн
националисты	8,9	13,0	7,8	20,9	7,7	6,7	8,3	9,4	7,7	11,5	6,66	3,0	12,8
леворадикальные лозунги	9,8	3,0	2,0	4,7	14,5	13,3	15,0	13,2	15,4	7,7	9,52	13,4	2,6
сторонники действующей власти	8,2	8,0	3,9	11,6	6,8	3,3	10,0	15,1	7,7	23	6,7	7,5	7,7
прозападные либеральные лозунги	9,0	12	11,8	11,6	7,7	5,0	10,0	7,5	11,5	3,8	7,6	6,0	7,7
сумма	39,5	36	25,5	48,8	36,7	28,3	43,3	45,2	42,3	46	30,4	29,9	30,8
Уклонились от выбора													
нейтралитет	15	18	26	12	12	13,7	11,7	21	22,7	23	15	13,1	18,2
против всех	45,5	46	49,5	39,2	51,3	58	45	33,8	35	31	54,6	57	51

Анализ различий с помощью критерия Фишера показал, что юноши достоверно чаще, чем девушки идентифицируют себя с тем или иным политическим направлением ($p = 0,0089$). Единственные дети в семье реже, в отличие от испытуемых других сиблинговых позиций, выбирают леворадикальные лозунги ($p = 0,0076$), что может свидетельствовать о более выраженных консервативных взглядах единственных в семье детей.

Также выявлена тенденция к выбору националистических лозунгов единственными в семье юношами ($p = 0,069$) и поддержка действующей власти юношами со средней позицией в семье ($p = 0,0636$) по сравнению с юношами других сиблинговых позиций.

С помощью методики К. В. Злоказова мы смогли проанализировать выраженность у мо-

лодежи экстремистских установок: фанатических, националистических, ксенофобских и авторитаризма с учетом сиблинговой позиции. Мы выявили, что для всей изучаемой выборки молодых людей характерен преимущественно низкий уровень фанатизма, средний уровень национализма и ксенофобии и повышенный уровень авторитаризма. Анализ различий в экстремистских установках испытуемых в зависимости от сиблинговой позиции (с помощью критерия Фишера) показал, что достоверные различия были выявлены в соотношении испытуемых с повышенным уровнем националистической установки: среди единственных детей таких оказалось достоверно больше (30 %) по сравнению с другими категориями испытуемых (от 13 до 16 %) ($p \leq 0,05$) (табл. 2).

Таблица 2

Процентное соотношение экстремистских установок молодежи с разной сиблинговой позицией

Table 2

Extremist attitudes of young people with different sibling positions (percentages)

Степень выраженности экстремистских установок	Выборка в целом	Сиблинговая позиция			
		единственный	первый	средний	младший
фанатизм					
низкая	54,77	56,00	57,89	54,72	60,58
пониженная	12,83	16,00	12,28	20,75	9,62
умеренная	11,70	14,00	7,02	15,09	11,54
повышенная	14,78	10,00	15,79	7,55	13,46
высокая	5,92	4,00	7,02	1,89	4,81
национализм					
низкая	12,42	12,00	12,50	15,09	9,71
пониженная	31,40	26,00	41,07	26,42	46,60
умеренная	31,71	30,00	27,68	45,28	27,18
повышенная	23,44	30,00*	16,96	13,21	16,50
высокая	1,03	2,00	1,79	0,00	0,00

ксенофобия					
низкая	21,45	16,00	21,74	18,87	29,81
пониженная	22,24	22,00	23,48	35,85	22,12
умеренная	39,06	48,00	38,26	32,08	31,73
повышенная	11,77	5,00	13,91	13,21	13,46
высокая	5,47	10,00	2,61	0,00	2,88
авторитаризм					
низкая	6,44	5,00	4,35	11,32	3,85
пониженная	21,66	28,00	19,13	28,30	22,12
умеренная	21,66	24,00	23,48	16,98	19,23
повышенная	38,76	32,00	40,87	33,96	44,23
высокая	11,49	11,00	12,17	9,43	10,58

Анализ различий в экстремистских установках у девушек и юношей с помощью критерия Манна–Уитни показал, что у юношей,

по сравнению с девушками, в большей степени выражены националистические ($p = 0,003$) и ксенофобские ($p = 0,028$) установки (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительный анализ выраженности экстремистских установок девушек и юношей

Table 3

Comparative analysis of the expression of extremist attitudes of girls and boys

Экстремистские установки	девушки	юноши	U	Z	p-level
фанатизм	3,50	3,68	23366	-0,68009	0,496449
национализм	7,57	8,42	20227	-2,95810	0,003096
ксенофобия	5,83	6,40	21336	-2,19637	0,028066
авторитаризм	5,24	5,52	21901	-1,77435	0,076006

С целью оценки влияния таких факторов как сиблинговая позиция и пол на экстремистские установки молодежи нами был использован однофакторный и многофакторный дисперсионный анализ.

В ходе однофакторного дисперсионного анализа было выявлено статистически

значимое влияние фактора «сиблинговая позиция» на националистическую установку молодежи ($p = 0,03$) (рис. 1). Единственные дети в семье оказались более других нетерпимы по отношению к представителям других национальностей.

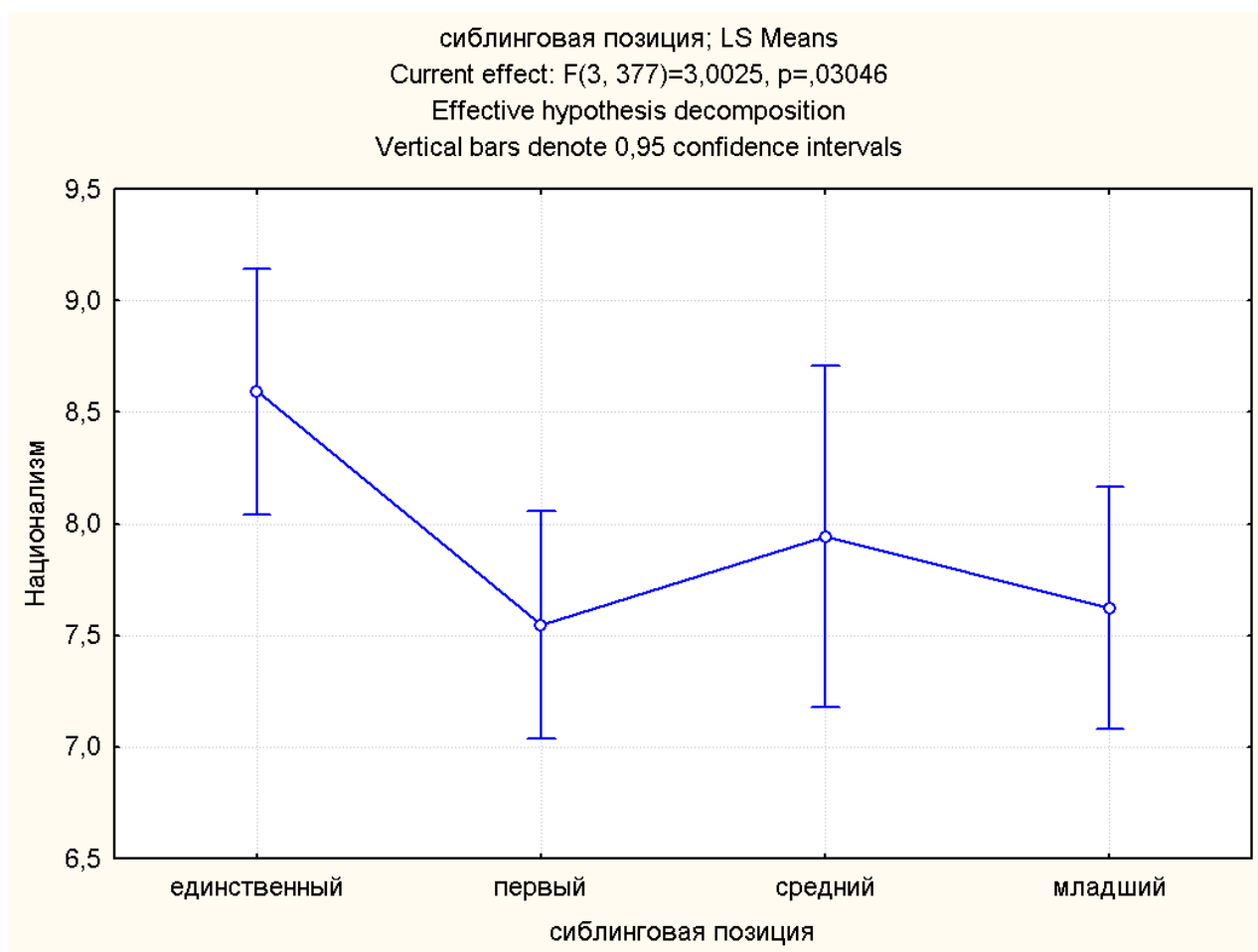

Рис. 1. Результаты однофакторного дисперсионного анализа влияния сiblingовой позиции на националистическую установку молодежи
Fig. 1. The results of a one-factor analysis of the impact of the sibling position on the nationalist attitude of young people

Проанализировав влияние сiblingовой позиции на экстремистские установки, отдельно в группе юношей и девушек мы выявили, что в выборке юношей сiblingовая позиция достоверно влияет на выраженность ксенофобии ($p = 0,004$). Единственные юноши в семье характеризовались более выраженной

ксенофобией (стремлением избегать контакта с представителями других национальностей, религии и убеждений).

В свою очередь юноши, являющиеся средними детьми в семье, характеризовались самым низким значением ксенофобии (рис. 2).

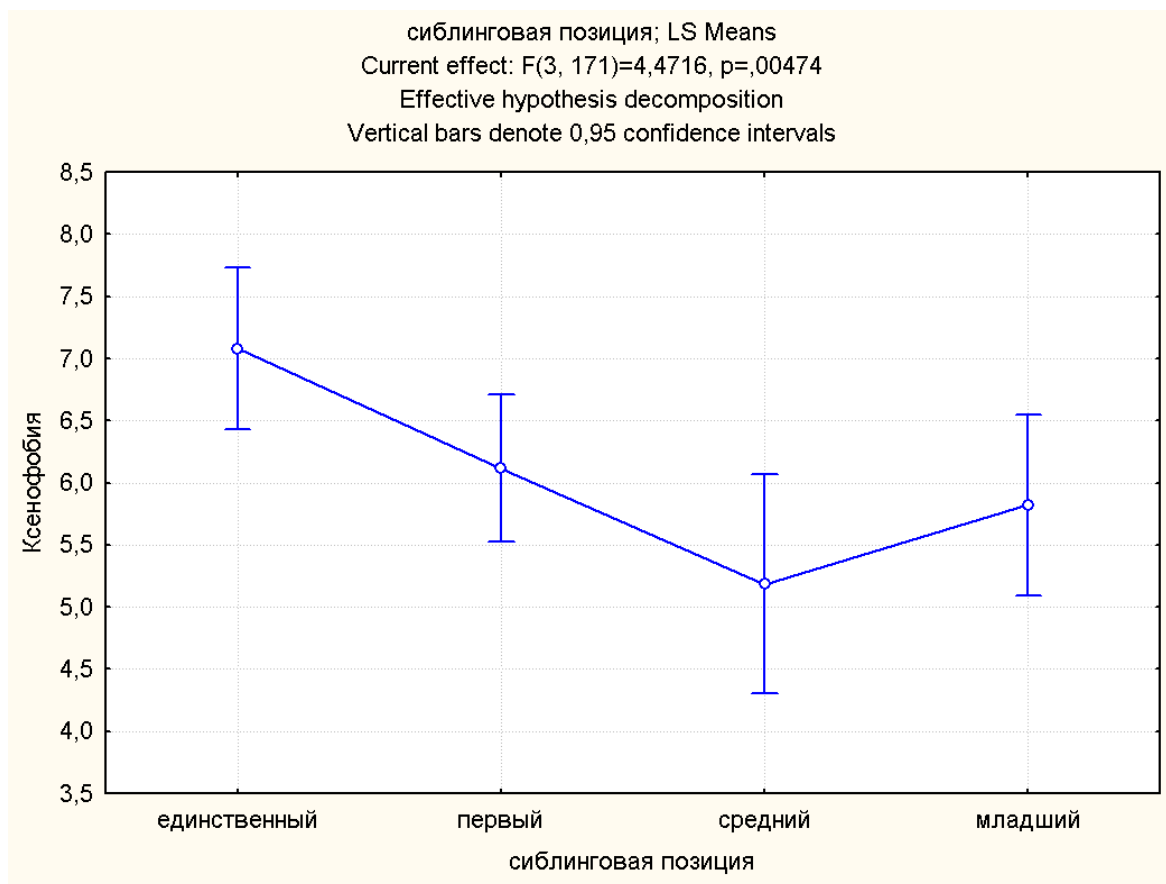

Рис. 2. Результаты однофакторного дисперсионного анализа влияния сблнговой позиции на ксенофобскую установку юношей

Fig. 2. The results of a one-factor analysis of the influence of the sibling position on the xenophobic attitude of young men

Многофакторный дисперсионный анализ показал достоверное совокупное влияние факторов «сблнговая позиция» и «пол» на следующие экстремистские установки: ксенофобия ($p \leq 0,05$) и фанатизм ($p \leq 0,05$).

В группе единственных детей более выраженной оказалась ксенофобская установка у юношей, а в группе средних детей – у девушек

(рис. 3). В свою очередь более фанатичными, а следовательно, сосредоточенными на религиозных идеях, увлеченными религией, характеризующимися представлениями о преимущественной роли религиозных норм в жизни испытуемого и его ближайшего окружения являются единственные в семье девушки и младшие в семье юноши (рис. 4).

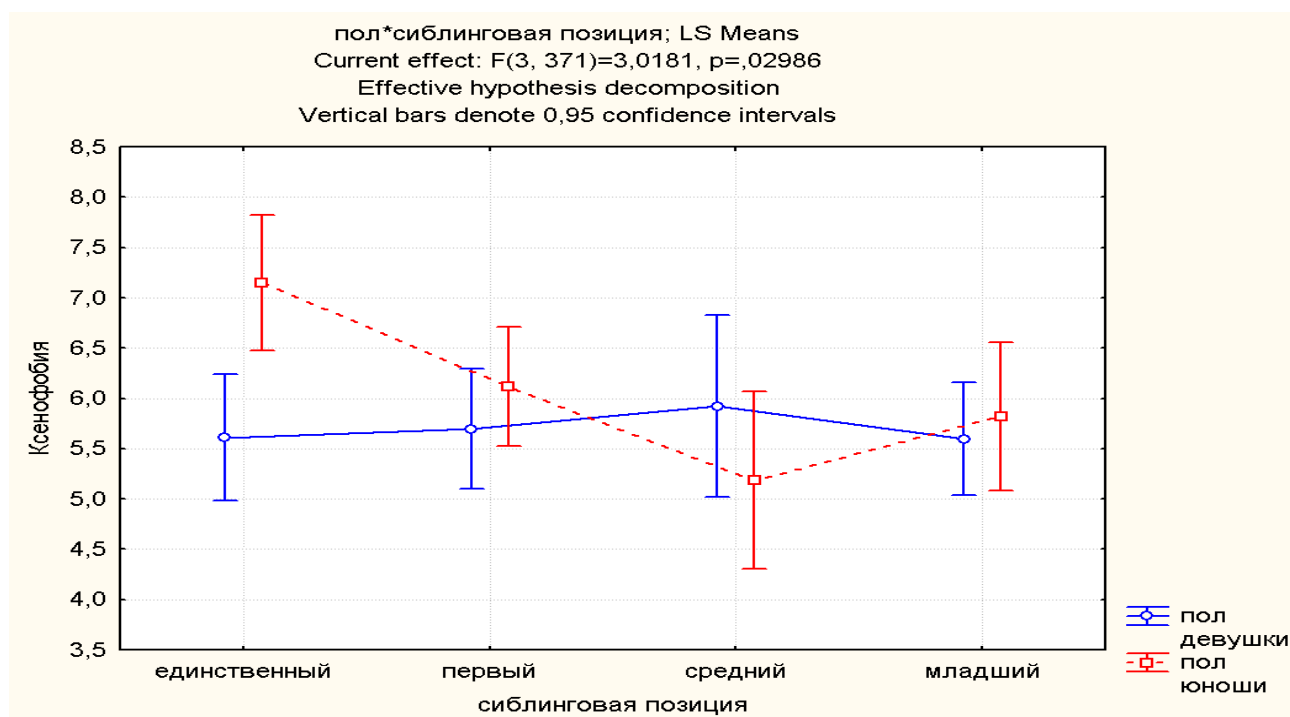

Рис. 3. Результаты многофакторного дисперсионного анализа влияния сиблинговой позиции и пола на ксенофобскую установку девушек и юношей

Fig. 3. The results of a multifactorial variance analysis of the influence of the sibling position and gender on the xenophobic attitude of girls and boys

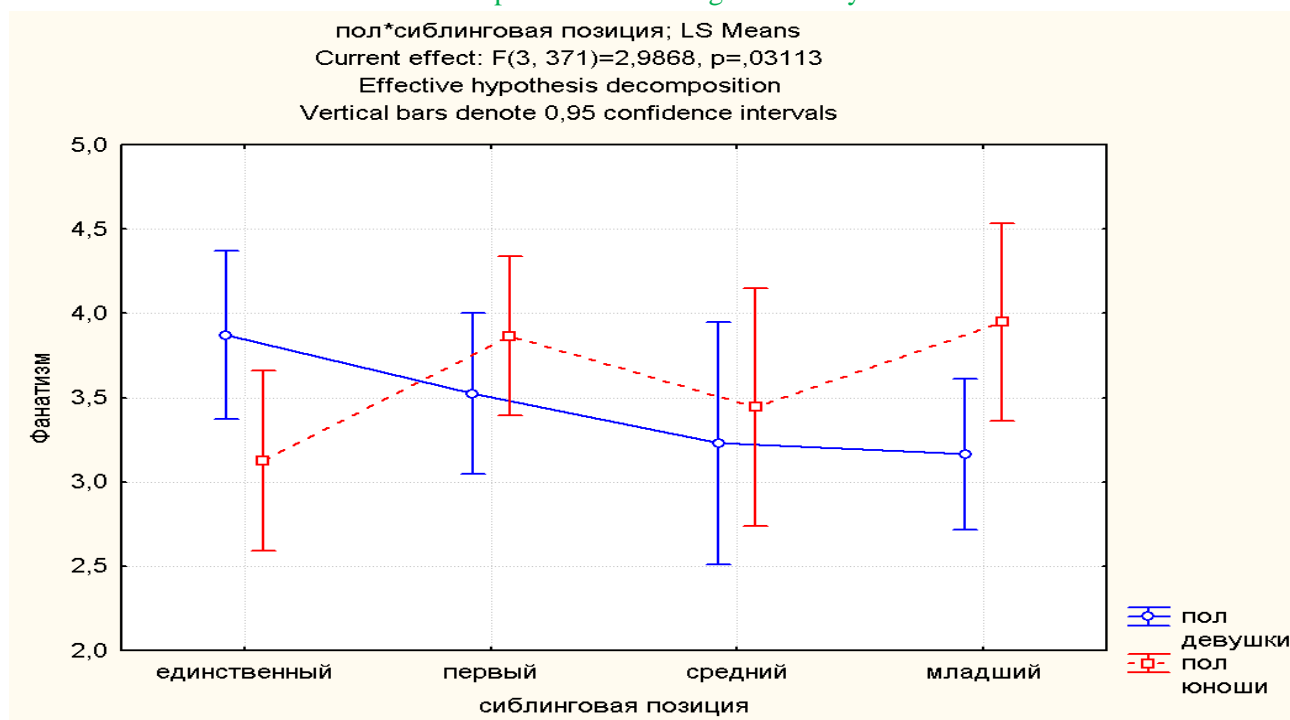

Рис. 4. Результаты многофакторного дисперсионного анализа влияния сиблинговой позиции и пола на проявление фанатической установки девушек и юношей

Fig. 4. The results of a multifactorial variance analysis of the influence of the sibling position and gender on the fanatical attitude of girls and boys

Обсуждение результатов

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о наличии взаимосвязи сиблинговой позиции (как с учетом, так и без учета половой принадлежности) и экстремистских установок молодежи.

В нашем исследовании наиболее подверженными националистическим взглядам оказались единственные дети в семье. Объяснить полученный факт можно личностными особенностями единственных детей, формирующимися под влиянием родительского отношения и отсутствием родных братьев и сестер. Как было отмечено выше, родители единственных детей зачастую излишне концентрируются на ребенке, проявляют чрезмерную заботу, требовательность, подавляют волю ребенка, исключают внесемейные влияния, подавляют его агрессивность и сексуальность, стремятся ускорить его развитие [12]. Такое отношение может вызвать формирование нарциссических черт личности. Так, в эмпирическом исследовании J. M. Curtis и D. R. Cowell были выявлены более высокие средние баллы по шкале патологического нарциссизма у единственных детей и первенцев [27].

Усугубляющим положение фактором, вероятно, является отсутствие младших братьев и сестер у единственного ребенка, приводящее к отсутствию опыта решения сиблинговых конфликтов, меньшему количеству ситуаций, требующих проявления терпимости. А. Адлер⁹ характеризует единственных детей как более эгоцентричных, конфликтных, имеющих трудности в общении. Эмпирическое исследование С. А. Salmon и др. показало, что

для поведения первенцев и единственных детей является менее просоциальным, чем поведение вторых и последующих детей [28]. А. В. Петрановский и М. В. Галимзянова в исследовании взрослых (на основе самоотчета) выявили, что взрослые с сиблинговой позицией единственных детей склонны воспринимать себя как целеустремленных, уверенных в себе, высокомерных, эгоистичных и черствых, склонных работать в одиночку и готовых нарушать правила ради достижения целей¹⁰. Ряд исследователей выявили, что единственные дети в семье вызывают меньше симпатии у сверстников¹¹ [29], являются более конфликтными в группе [29].

По результатам наших исследований в группу риска по формированию экстремистского поведения вошла группа юношей – единственных детей в семье. У них в значительно большей степени выражены ксенофобские установки, а также они чаще выбирают националистические лозунги по сравнению с другими группами испытуемых (как девушками, так и юношами с разной сиблинговой позицией). Ксенофобия трактуется в психологии как страх или ненависть к кому-либо или чему-либо чужому; восприятие чужого, как опасного и враждебного. Ксенофобия зачастую в исследованиях рассматривается как предпосылка экстремистского поведения. К. Н. Tafira предлагает заменить термин «ксенофобия» понятием «культурный расизм», который пришел на смену биологического расизма и стал ответом на массовые миграции эпохи глобализации [30].

⁹ Adler A. How position in the family constellation influences life-style // International Journal of Individual Psychology. – 1937. – Vol. 3. – P. 211–227.

¹⁰ Петрановский А. В., Галимзянова М. В. Самовосприятие и межличностные отношения взрослых в связи с их сиблинговой позицией и субъективными переживаниями

детства // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. – 2016. – Т. 3. – С. 169–174.

¹¹ D'Angelo M. The relationship between birth order status and personality traits. Theses and Dissertations. – 1999. – P. 21–26.

По мнению К. Wahl, ксенофобия возникает на основе эмоциональных факторов, которые, главным образом, направлены не на «чужих», а в большей степени против незнакомых людей в целом. В исследовании К. Wahl у подростков с высоким уровнем ксенофобии было обнаружено нечто похожее на мизантропию или отсутствие социальной компетентности [31].

Для объяснения более высокого уровня ксенофобии единственных в семье юношей по сравнению с девушками можно обратиться к фактам, открытым в гендерной психологии. Так, известно, что женщины по сравнению с мужчинами в целом более общительны, легче устанавливают контакт, эмпатийны, способны в большей степени встать на позицию другого человека и понять чувства других людей.

По всей видимости, воспитываемый в семье единственный юноша в меньшей степени по сравнению юношами, имеющими сиблингов, имеет возможность развивать свои ком-

муникативные навыки и социальную компетентность, что и может стать основой для формирования ксенофобской установки.

Заключение

Результаты исследования показывают, что экстремистские установки молодежи зависят от сиблинговой позиции в семье и от пола. Юноши по сравнению с девушками в целом характеризуются более высоким уровнем экстремизма (проявляющемся в более высоком уровне национализма и ксенофобии), чаще идентифицируют себя с тем или иным политическим направлением.

Единственные в семье дети характеризуются более высоким уровнем националистических установок, реже придерживаются леворадикальных взглядов. Единственные в семье юноши характеризуются более высоким уровнем ксенофобии. Полученные нами результаты дополняют научные данные о предикторах экстремистских установок молодых людей и могут быть учтены в работе с молодежью по профилактике экстремистского поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Anderson-Nathe B., Gharabaghi K.** Trending rightward: Nationalism, xenophobia, and the 2016 politics of fear // *Child & Youth Services*. – 2017. – Vol. 38, Issue 1. – P. 1–3. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/0145935X.2017.1277125>
2. **Куликов И. В.** Экстремизм среди молодежи // *Социально-экономические явления и процессы*. – 2013. – № 7. – С. 175–177.
3. **Козлов Д. С.** Политический экстремизм и экстремальность: явления общественного сознания, присущие психологии и поведению молодежи // *Теория и практика общественного развития*. – 2015. – № 12. – С. 493–495.
4. **Зубок Ю. А., Чупров В. И.** Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // *Социологические исследования*. – 2008. – № 5. – С. 37–46.
5. **Злоказов К. В., Муслумов Р. Р.** Психологические особенности вовлечения несовершеннолетних в молодежные экстремистские группировки // *Педагогическое образование в России*. – 2014. – № 5. – С. 81–87.
6. **Бочаров А. В., Мещерякова Э. И., Ларионова А. В.** Типология психологических факторов отношения студентов к экстремизму (по результатам анкетирования и психодиагностики) // *Прикладная юридическая психология*. – 2015. – № 1. – С. 21–33.

7. **Scarcella A., Page R., Furtado V.** Terrorism, Radicalisation, Extremism, Authoritarianism and Fundamentalism: A Systematic Review of the Quality and Psychometric Properties of Assessments // Plos one. – 2016. – Vol. 11 (12). – P. e0166947 DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0166947>
8. **Злоказов К. В.** Анализ особенностей личности участников массовых беспорядков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 4 (60). – С. 235–240.
9. **Султанов А. А.** Молодежные группы экстремистской направленности: причины их существования // Наука и современность – 2014. – № 30. – С. 214–218.
10. **Davydov D. G.** The Causes of Youth Extremism and Ways to Prevent It in the Educational Environment // Russian Education & Society. – 2015. – Vol. 57, Issue 3. – P. 146–162. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10609393.2015.1018745>
11. **Antonyan Y. M., Yurasova E. N.** The extremist and terrorist behavior from the position of profound psychology // Научный портал МВД России. – 2010. – № 10. – С. 3–10.
12. **Алексеева Е. Е., Телегина А. С.** Сравнительный анализ отношения родителей к детям в зависимости от порядка их рождения // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2015. – Т. 13. – С. 801–805.
13. **Salmon C. A., Daly M.** Birth order and familial sentiment: Middleborns are different // Evolution and Human Behavior. – 1998. – Vol. 19, Issue 5. – P. 299–312. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S1090-5138\(98\)00022-1](http://dx.doi.org/10.1016/S1090-5138(98)00022-1)
14. **Sulloway F. J.** Birth Order and Evolutionary Psychology: A Meta-Analytic Overview // Psychological Inquiry. – 1995. – Vol. 6 (1). – P. 75–80. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/s15327965pli0601_15
15. **Barclay K. J.** Birth order and educational attainment: evidence from fully adopted sibling groups // Intelligence. – 2015. – Vol. 48. – P. 109–122. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.intell.2014.10.009>
16. **Eckstein D., Aycock K. J., Sperber M. A., McDonald J., Van Wiesner III V., Watts R. E., Ginsburg P.** A Review of 200 Birth-Order Studies: Lifestyle Characteristics // Journal of Individual Psychology. – 2010. – Vol. 66 (4). – P. 408–434 URL: [Google Scholar](https://scholar.google.com/)
17. **Bleske-Rechek A., Kelley J. A.** Birth order and personality: A within-family test using independent self-reports from both firstborn and laterborn siblings // Personality and Individual Differences. – 2014. – Vol. 56. – P. 15–18. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2013.08.011>
18. **Damian R. I., Roberts B. W.** The associations of birth order with personality and intelligence in a representative sample of U.S. high school students // Journal of Research in Personality. – 2015. – Vol. 58. – P. 96–105. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.jrp.2015.05.005>
19. **Bobbitt-Zeher D., Downey D. B.** Number of siblings and friendship nominations among adolescents // Journal of Family Issues. – 2013. – Vol. 34, Issue 9. – P. 1175–1193. DOI: <https://dx.doi.org/10.1177/0192513X12470370>
20. **Bertoni M., Brunello G.** Later-borns don't give up: the temporary effects of birth order on European Earnings // Demography. – 2016. – Vol. 53 (2). – P. 449–470. DOI: <https://dx.doi.org/10.1007/s13524-016-0454-1>
21. **Golsteyn B. H., Magnée C. A.** Does birth spacing affect personality? // Journal of Economic Psychology. – 2017. – Vol. 60. – P. 92–108. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.joep.2017.02.001>
22. **Zweigenhaft R. L., Von Ammon J.** Birth order and civil disobedience: a test of Sulloway's "born to rebel" hypothesis // The Journal of Social Psychology. – 2000. – Vol. 140, Issue 5. – P. 624–627. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00224540009600502>

23. **Barclay K., Myrskylä M., Tynelius P., Berglind D., Rasmussen F.** Birth order and hospitalization for alcohol and narcotics use in Sweden // *Drug and Alcohol Dependence*. – 2016. – Vol. 167. – P. 15–22. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2016.06.029>
24. **Zweigenhaft R. L.** Birth order effects and rebelliousness: Political activism and involvement with marijuana // *Political Psychology*. – 2002. – Vol. 23, Issue 2. – P. 219–233. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/0162-895X.00279>
25. **Злоказов К. В.** Метод исследования экстремистско-деструктивных установок личности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 1. – С. 173–180.
26. **Паин Э. А., Простаков С. А.** Многоликий русский национализм. Идеино-политические разновидности (2010–2014 гг.) // *Политические исследования*. – 2014. – № 4. – С. 96–113.
27. **Curtis J. M., Cowell D. R.** Relation of birth order and scores on measures of pathological narcissism // *Psychological Report*. – 1993. – Vol. 72 (1). – P. 311–315. DOI: <https://dx.doi.org/10.2466/pr0.1993.72.1.311>
28. **Salmon C. A., Cuthbertson M., JoséFigueredo A.** The relationship between birth order and prosociality: An evolutionary perspective // *Personality and Individual Differences*. – 2016. – Vol. 96. – P. 18–22. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2016.02.066>
29. **Kitzmann K. M., Cohen R., Lockwood R. L.** Are only children missing out? Comparison of the peer-related social competence of only children and siblings // *Journal of Social and Personal Relationships*. – 2002. – Vol. 19, Issue 3. – P. 299–316. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0265407502193001>
30. **Tafira K. H.** Is xenophobia racism? // *Anthropology Southern Africa*. – 2011. – Vol. 34, Issue 3-4. – P. 114–121. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/23323256.2011.11500015>
31. **Wahl K.** Development of xenophobia and aggression // *International Journal and Applied Criminal Justice*. – 2002. – Vol. 26, Issue 2. – P. 247–256. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/01924036.2002.9678690>

DOI: [10.15293/2226-3365.1706.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1706.08)

Snezhana Mihajlovna Sityaeva, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Education Psychology Department, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-9412-5215>

E-mail: snejana-reg27@yandex.ru

Svetlana Vladimirovna Yaremtchuk, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Education Psychology Department, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-1036-6826>

E-mail: svj@rambler.ru

Sibling position and extremist attitudes of youth

Abstract

Introduction. This paper focuses on the empirical study of correlation between the sibling position and the extremist attitudes of young people. The purpose of this study is to analyze the specifics extremist attitudes of young men and women depending on their birth order.

Materials and Methods. The participants of the study were 377 subjects (aged between 14 and 30 years, 176 male subjects and 201 female subjects). 100 participants are the only children, 117 ones are the first-borns, 53 ones are middle children and 106 are later-borns. Extremist attitudes of the subjects were identified using K.V. Zlokazov's methodology of studying extremist-destructive attitudes. This technique allows us to reveal the level of authoritarianism, the manifestation of nationalistic, fanatical and xenophobic attitudes. According to E.A. Pain and S.A. Prostakov's methodology, the subjects were supposed to choose a political slogan characteristic of an extremist trend or refuse to choose.

Results. As a result of the research, a correlation was found between extremist attitudes of youth and the sibling position in the family (both gender-specific and non-gender-specific). Young males in comparison with young females are characterized by a higher level of extremism (manifested in a higher level of nationalism and xenophobia), more often identify themselves with one or another political movement. The only children in the family are characterized by a higher level of nationalist attitudes, less adhering to left-wing views. A higher level of fanaticism is revealed in only children girls and later-borns boys in the family. A higher level of xenophobia was found in single boys in the family.

Conclusions. A group of only children in the family of boys entered the risk group for the formation of extremist behavior. They have a much higher degree of xenophobic attitudes, and they often choose nationalist slogans in comparison with other groups of subjects. The results of this study can be taken into account in working with young people to prevent extremist behavior.

Keywords

Extremism; Youth extremism; Predictors of extremism; Sibling position; Birth order; Nationalism; Xenophobia; Fanaticism; Authoritarianism.

Acknowledgements

This work is done with the financial support of Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project No. 25.8631.2017/8.9 on the theme of the project "Subjective and objective predictors of youth extremist attitudes".

REFERENCES

1. Anderson-Nathe B., Gharabaghi K. Trending rightward: Nationalism, xenophobia, and the 2016 politics of fear. *Child & Youth Services*, 2017, vol. 38, issue 1, pp. 1–3. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/0145935X.2017.1277125>
2. Kulikov I. V. Extremism Among Youth. *Social-Economic Phenomena and Processes*, 2013, no. 7, pp. 175–177. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20328822>.
3. Kozlov D. S. Political Extremism and Extremeness: Phenomena of Social Consciousness Typical for the Psychology and Behavior of Young People. *Theory and Practice of Social Development*, 2015, no. 12, pp. 493–495. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24038241>
4. Zubok Ya. A., Chuprov V. I. Youth extremism. Essence and specific manifestations. *Sociological Research*, 2008, no. 5, pp. 37–46. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=10246372>
5. Zlokazov K. V., Muslumov R. R. Psychological Peculiarities of Involvement of the Minor Into Extremist Groups. *Pedagogical Education in Russia*, 2014, no. 5, pp. 81–87. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21766291>
6. Bocharov A. V., Meshcheryakova E. I., Larionova A. V. Typology of psychological factors of students' attitude to extremism (based on psychodiagnostics and questioning results). *Applied Legal Psychology*, 2015, no. 1, pp. 21–33. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23217508>
7. Scarcella A., Page R., Furtado V. Terrorism, Radicalisation, Extremism, Authoritarianism and Fundamentalism: A Systematic Review of the Quality and Psychometric Properties of Assessments. *Plos One*, 2016, vol. 11 (12), pp. e0166947. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0166947>
8. Zlokazov K. V. Analysis of the characteristics of the individual participants in the riots. *Journal of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia*, 2013, no. 4, pp. 235–240. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21119175>
9. Sultanov A. A. Youth groups of extremist orientation: the reasons for their existence. *Science and Contemporaneity*, 2014, no. 30, pp. 214–218. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21616797>
10. Davydov D. G. The Causes of Youth Extremism and Ways to Prevent It in the Educational Environment. *Russian Education & Society*, 2015, no. 57, pp. 146–162. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10609393.2015.1018745>
11. Antonyan Y. M., Yurasova E. N. The extremist and terrorist behavior from the position of profound psychology. *Scientific Portal of the Russia MI*, 2010, no. 10, pp. 3–10. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15230021>
12. Alekseeva E. E., Telegina A. S. Comparative analysis of parents' attitude to children depending on the order of their birth. *Periodic Scientific and Methodological E-Journal Concept*, 2015, vol. 13, pp. 801–805. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23583946>
13. Salmon C. A., Daly M. Birth order and familial sentiment: Middleborns are different. *Evolution and Human Behavior*, 1998, vol. 19, issue 5, pp. 299–312. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S1090-5138\(98\)00022-1](http://dx.doi.org/10.1016/S1090-5138(98)00022-1)
14. Sulloway F. J. Birth Order and Evolutionary Psychology: A Meta-Analytic Overview. *Psychological Inquiry*, 1995, vol. 6 (1), pp. 75–80. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/s15327965pli0601_15

15. Barclay K. J. Birth order and educational attainment: evidence from fully adopted sibling groups. *Intelligence*, 2015, vol. 48, pp. 109–122. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.intell.2014.10.009>
16. Eckstein D., Aycocock K. J., Sperber M. A., McDonald J., Van Wiesner III V., Watts R. E., Ginsburg P. A Review of 200 Birth-Order Studies: Lifestyle Characteristics. *Journal of Individual Psychology*, 2010, vol. 66 (4), pp. 408–434. URL: [Google Scholar](#)
17. Bleske-Rechek A., Kelley J. A. Birth order and personality: A within-family test using independent self-reports from both firstborn and laterborn siblings. *Personality and Individual Differences*, 2014, vol. 56, pp. 15–18. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2013.08.011>
18. Damian R. I., Roberts B. W. The associations of birth order with personality and intelligence in a representative sample of U.S. high school students. *Journal of Research in Personality*, 2015, vol. 58, pp. 96–105. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.jrp.2015.05.005>
19. Bobbitt-Zeher D., Downey D. B. Number of siblings and friendship nominations among adolescents. *Journal of Family Issues*, 2013, vol. 34, issue 9, pp. 1175–1193. DOI: <https://dx.doi.org/10.1177/0192513X12470370>
20. Bertoni M., Brunello G. Later-borns gon't give up: the temporary effects of birth order on European Earnings. *Demography*, 2016, vol. 53 (2), pp. 449–470. DOI: <https://dx.doi.org/10.1007/s13524-016-0454-1>
21. Golsteyn B. H., Magnée C. A. Does birth spacing affect personality? *Journal of Economic Psychology*, 2017, vol. 60, pp. 92–108. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.joep.2017.02.001>
22. Zweigenhaft R. L., Von Ammon J. Birth order and civil disobedience: a test of Sulloway's "born to rebel" hypothesis. *Journal of Social Psychology*, 2000, vol. 140, issue 5, pp. 624–627. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00224540009600502>
23. Barclay K., Myrskylä M., Tynelius P., Berglind D., Rasmussen F. Birth order and hospitalization for alcohol and narcotics use in Sweden. *Drug and Alcohol Dependence*, 2016, vol. 167, pp. 15–22. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2016.06.029>
24. Zweigenhaft R. L. Birth order effects and rebelliousness: Political activism and involvement with marijuana. *Political Psychology*, 2002, vol. 23, issue 2, pp. 219–233. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/0162-895X.00279>
25. Zlokazov K. V. The method of investigation extremist destructive personality settings. *Journal of Saint-Petersburg University of MIA of Russia*, 2014, no. 1, pp. 173–180. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21621833>
26. Pain E. A., Prostavkov S. A. The many faces of Russian nationalism. The ideological and political different-the conspicuity (2010–2014). *Political Studies*, 2014, no. 4, pp. 96–113. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21809100>
27. Curtis J. M., Cowell D. R. Relation of birth order and scores on measures of pathological narcissism. *Psychological Report*, 1993, vol. 72 (1), pp. 311–315. DOI: <https://dx.doi.org/10.2466/pr0.1993.72.1.311>
28. Salmon C. A., Cuthbertson M., JoséFigueredo A. The relationship between birth order and prosociality: An evolutionary perspective. *Personality and Individual Differences*, 2016, vol. 96, pp. 18–22. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2016.02.066>
29. Kitzmann K. M., Cohen R., Lockwood R. L. Are only children missing out? Comparison of the peer-related social competence of only children and siblings. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2002, vol. 19, issue 3, pp. 299–316. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0265407502193001>

30. Tafira K. H. Is xenophobia racism? *Anthropology Southern Africa*, 2011, vol. 34, issue 3-4, pp. 114–121. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/23323256.2011.11500015>
31. Wahl K. Development of xenophobia and aggression. *International Journal and Applied Criminal Justice*, 2002, vol. 26, issue 2, pp. 247–256. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/01924036.2002.9678690>

Submitted: 03 August 2017 Accepted: 03 November 2017 Published: 30 December 2017

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).